

# Оглавление

|                                                                                                         |                                  |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------|
| <b>Предисловие автора к третьему изданию</b> .....                                                      | 6                                |
| <b>Глава 1</b>                                                                                          | Вводная .....                    |
| 1.1. Интроспекция .....                                                                                 | 12                               |
| 1.2. Необихевиоризм .....                                                                               | 25                               |
| 1.3. Субъективное и объективное .....                                                                   | 37                               |
| 1.4. Объективная психология .....                                                                       | 43                               |
| 1.5. Кризис современной психологии .....                                                                | 58                               |
| 1.6. Психические модели и репрезентации .....                                                           | 71                               |
| 1.7. Феноменология .....                                                                                | 76                               |
| Тезисы для обсуждения .....                                                                             | 80                               |
| <b>Глава 2</b>                                                                                          | Репрезентации в психологии ..... |
| 2.1. Современные представления о формах<br>психических репрезентаций .....                              | 84                               |
| 2.2. Репрезентации и компьютерная метафора .....                                                        | 98                               |
| Тезисы для обсуждения .....                                                                             | 106                              |
| <b>Глава 3</b>                                                                                          | Ощущения и образы .....          |
| 3.1. Определение ощущения и образа .....                                                                | 109                              |
| 3.2. Сравнительные характеристики ощущений и образов .....                                              | 115                              |
| 3.3. Мысленные, ментальные или психические образы .....                                                 | 124                              |
| 3.4. Образы представления и их отличия от образов восприятия .....                                      | 126                              |
| 3.5. Образы воспоминания .....                                                                          | 134                              |
| Тезисы для обсуждения .....                                                                             | 138                              |
| <b>Глава 4</b>                                                                                          | Образ и объект .....             |
| 4.1. Главные свойства образа восприятия .....                                                           | 141                              |
| 4.2. Эволюция содержания понятия <i>образ</i> .....                                                     | 150                              |
| 4.3. Представления о соотношении объекта и его образа .....                                             | 161                              |
| 4.4. Изоморфен ли образ восприятия объекта репрезентируемому<br>им фрагменту «реальности в себе»? ..... | 167                              |
| 4.5. Еще раз о том, что образ восприятия предмета и есть предмет .....                                  | 175                              |
| 4.6. Последствия появления в сознании образов восприятия<br>и ощущений .....                            | 184                              |
| Тезисы для обсуждения .....                                                                             | 189                              |

|                |                                                                                                        |     |
|----------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <b>Глава 5</b> | Чувственные репрезентации и время. . . . .                                                             | 193 |
|                | 5.1. Мгновенные зрительные образы восприятия . . . . .                                                 | 193 |
|                | 5.2. Мгновенные образы в экспериментах . . . . .                                                       | 197 |
|                | 5.3. Слуховые образы и время. . . . .                                                                  | 204 |
|                | 5.4. Некоторые характеристики мгновенного образа восприятия . . . . .                                  | 207 |
|                | 5.5. Мгновенный образ восприятия и кино . . . . .                                                      | 215 |
|                | 5.6. Продолжительность образов представления . . . . .                                                 | 217 |
|                | 5.7. Мгновенные образы и «подпороговое восприятие» . . . . .                                           | 219 |
|                | 5.8. Образ как гештальт. . . . .                                                                       | 222 |
|                | Тезисы для обсуждения . . . . .                                                                        | 226 |
| <b>Глава 6</b> | Модель-репрезентация . . . . .                                                                         | 230 |
|                | 6.1. Влияние опыта на восприятие, «настройки» восприятия . . . . .                                     | 230 |
|                | 6.2. Постоянство объекта и изменчивость его образа . . . . .                                           | 240 |
|                | 6.3. Исследования, предшествовавшие появлению термина<br>«модель-репрезентация» . . . . .              | 246 |
|                | 6.4. Мономодальный образ и полимодальная модель-репрезентация<br>объекта . . . . .                     | 257 |
|                | 6.5. Об особенностях моделей-репрезентаций . . . . .                                                   | 268 |
|                | 6.6. Влияние моделей-репрезентаций на восприятие. . . . .                                              | 277 |
|                | 6.7. Конкуренция моделей-репрезентаций в процессе восприятия. . . . .                                  | 286 |
|                | 6.8. Модели-репрезентации и иллюзии восприятия . . . . .                                               | 292 |
|                | 6.9. Модели-репрезентации у людей с восстановленным зрением. . . . .                                   | 294 |
|                | Тезисы для обсуждения . . . . .                                                                        | 296 |
| <b>Глава 7</b> | Модель-репрезентация и качества образа восприятия . . . . .                                            | 301 |
|                | 7.1. Предметность . . . . .                                                                            | 301 |
|                | 7.2. Константность . . . . .                                                                           | 304 |
|                | 7.3. Реальность . . . . .                                                                              | 313 |
|                | 7.4. Тожественность . . . . .                                                                          | 315 |
|                | 7.5. Инвариантность. . . . .                                                                           | 319 |
|                | Тезисы для обсуждения . . . . .                                                                        | 326 |
| <b>Глава 8</b> | Микрогенез образа восприятия . . . . .                                                                 | 328 |
|                | 8.1. Образ и ощущение как сложная психическая структура. . . . .                                       | 328 |
|                | 8.2. О роли образов представления и воспоминания в восприятии. . . . .                                 | 331 |
|                | 8.3. Прообразы, или сенсорные впечатления. . . . .                                                     | 341 |
|                | 8.4. Итоговый образ восприятия . . . . .                                                               | 346 |
|                | 8.5. Мгновенные образы восприятия и модели-репрезентации<br>в микрогенезе образов восприятия . . . . . | 351 |
|                | 8.6. Образ и ощущение — психические сущности или конструкты<br>исследователей? . . . . .               | 359 |
|                | Тезисы для обсуждения . . . . .                                                                        | 362 |

|                         |                                                                                |     |
|-------------------------|--------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <b>Глава 9</b>          | Образ и его значение .....                                                     | 365 |
|                         | 9.1. Чувственное значение образа .....                                         | 365 |
|                         | 9.2. Осознание образа .....                                                    | 372 |
|                         | 9.3. Понимание образа .....                                                    | 376 |
|                         | Тезисы для обсуждения .....                                                    | 381 |
| <b>Глава 10</b>         | Глобальная модель-репрезентация мира .....                                     | 383 |
|                         | 10.1. Когнитивные карты и схемы как сенсорные психические<br>конструкции ..... | 383 |
|                         | 10.2. Глобальная сенсорная модель-репрезентация мира .....                     | 385 |
|                         | Тезисы для обсуждения .....                                                    | 392 |
| <b>Примечания</b> ..... |                                                                                | 394 |
|                         | 1. Разновидности современного бихевиоризма .....                               | 394 |
|                         | 2. Так называемые «объективные» психологические эксперименты .....             | 395 |
|                         | 3. Изменяемость. Раздражимость. Чувствительность .....                         | 397 |
|                         | 4. Вещь, вещественность .....                                                  | 399 |
|                         | 5. Роль психических феноменов в формировании рефлексов .....                   | 403 |
|                         | 6. Эксперимент Струпа .....                                                    | 407 |
|                         | 7. Объективная психическая реальность .....                                    | 408 |
|                         | 8. Эксперимент Каплана .....                                                   | 409 |
|                         | Предметный указатель .....                                                     | 410 |
|                         | Литература .....                                                               | 416 |

## Предисловие автора к третьему изданию

Кто-то из психологов справедливо заметил, что сегодняшняя психология — это огромная гора не связанных между собой фактов. И это действительно так. Однако совершенно невозможно представить, чтобы в организме существовали системы и органы, части которых почти не связаны, плохо соотносятся между собой и функционируют как бы независимо друг от друга. Казалось бы, достаточно знакомства с эмбриологией человека, демонстрирующей, как онтогенез эмбриона повторяет путь филогенеза и человеческий эмбрион обзаводится последовательно признаками рыб, рептилий и т. д., чтобы понять, что все в нашем организме, во-первых, взаимосвязано, во-вторых, проходит последовательные этапы в своем развитии, в-третьих, просто не может быть неструктурированной кучей каких-то независимых друг от друга фрагментов.

То же самое верно и в отношении психики. Она, говоря метафорически, как дерево, вырастает из одного семечка, имеет корни, ствол, ветви и листья и функционирует как единое целое. В психологии давно назрела необходимость разработки теории единой природы, или общей феноменологии, психических репрезентаций, которая отражала бы их неразрывную связь и прогрессивное усложнение в процессе онтогенеза. Она должна также объяснять появление в психике человека цепи последовательно возникающих все более сложных феноменов, каждый из которых развивается на базе предыдущего. Однако в психологии и сегодня доминируют представления, например, о принципиальных различиях между чувственными и вербальными психическими феноменами, о «самостоятельном лингвистическом модуле» и т. п.

Можно было назвать эту книгу «Феноменология психических явлений», и это не было бы большим преувеличением, потому что психические репрезентации не просто абсолютно доминирующая форма психических явлений. Репрезентации мира составляют все психическое содержание человеческого сознания. К тому же они являются основным психическим субстратом и проявлением человеческого разума.

Теория единства психических репрезентаций, изложенная в книге, естественно, не охватывает и не должна охватывать все области психологии. Она не касается, например, проблем сознания, регуляции поведения, личности, эмоций, мотивов и много другого. Но она претендует на то, чтобы стать одной из центральных и базовых теорий новой психологии, которая, надеюсь, все же будет рано или поздно создана.

В первых двух изданиях книги я использовал не совсем обычную форму изложения, приводя обширные цитаты из книг авторов, большинство из которых были философами и работы которых поэтому мало известны профессиональ-

ным психологам. Тем не менее они были выдающимися мыслителями и часто обсуждали собственные интересные наблюдения, высказывая очень глубокие мысли по поводу психики. Цитируя их, я не столько стремился подтвердить мнениями авторитетов собственные идеи, чтобы доказать их правоту, сколько пытался, образно говоря, «играть с ними в пас», принимая от них мяч — мысли, важные для психологии, но в большинстве случаев оставленные психологами без внимания. Я, конечно, выбирал идеи, подтверждающие мои представления о психике, хотя цитируемые авторы в большинстве случаев даже не рассматривали обсуждаемых мною проблем. Их мысли и рассуждения шли обычно в совершенно другом направлении. Они скорее невольно подтверждали сам факт наличия рассматриваемых мною в книге феноменов.

Такая форма подачи мною материала отличалась от общепринятого и имела свои преимущества. Но у нее, как выяснилось позже, были и серьезные недостатки, главным из которых оказалась сложность восприятия читателем больших отрывков чужих и достаточно старых философских текстов. Поэтому в новом издании я несколько сократил объем цитирования.

Еще одной особенностью книги является то, что она опирается на интроспекцию, но при этом в ней заново и с иных позиций рассматриваются результаты многих классических психологических экспериментов и расставляются иные акценты. Результаты экспериментов обсуждаются в иной плоскости, и предлагается иная их трактовка.

Недостатком предыдущих изданий является и то, что, увлекшись описанием естественной динамики репрезентаций в онтогенезе человека, закономерной смены чувственных репрезентаций вербальными, усложнения и трансформации репрезентаций, завершающихся созданием сложных психических конструкций, я не представил объяснений необходимости столь подробных описаний динамики и механизмов развития психических репрезентаций, возможно, даже излишне обстоятельных повторов их деталей. Это также затруднило восприятие книги, особенно для тех, кто еще только знакомится с психологией.

В третье издание я включил части, ради которых и был нужен столь подробный разбор процесса развития психических репрезентаций человека. Это три последние главы второго тома, в которых описывается формирование человеческой психикой сущностей окружающего мира с использованием сложных психических конструкций и создание сообщества людей общей глобальной психической репрезентации мира, которую я назвал объективной психической реальностью.

Лежащая перед вами книга раскрывает и отстаивает следующие основные положения предложенной мной теории связи и развития психических феноменов:

- Все психические явления, или репрезентации, — ощущения, ментальные образы, эмоции, желания, понятия, чувственные и вербальные концепты и другие вербальные конструкции — неразрывно связаны между собой, происходят, говоря метафорически, из одного «корня» — протоощущения и являются звеньями одной цепи.

- Психические репрезентации представляют окружающий мир и действующий в нем организм в особом субъективном пространстве — в индивидуальной психике, обладающей сознанием. Психика — это необычный рабочий орган, возможно, особая часть организма, создаваемая им. Она проявляется в виде доступных лишь организму феноменов, предназначенных для осмысленного (разумного) репрезентирования с их помощью фрагментов окружающего мира, пробного манипулирования этими репрезентациями, выбора оптимальных стратегий поведения и управления действиями организма в мире.
- Психические явления в процессе онтогенеза последовательно усложняются, развиваясь в направлении от ощущения до сложных чувственных, смешанных и вербальных психических конструкций, большинство из которых представляют собой в то же время самостоятельные психические феномены.
- Среди психических явлений можно условно выделить более простые (ощущения, мгновенные ментальные образы) и более сложные психические феномены (психические конструкции), формируемые психикой из простых.
- Основной, или базовой, формой психических репрезентаций является ментальный образ. Менее дифференцированные формы ментальных образов принято называть ощущениями. Более дифференцированные ментальные образы, позволяющие выделять отдельные объекты среди множества сходных с ними, преимущественно зрительные и слуховые, называют собственно ментальными образами.
- Психический образ восприятия физической сущности является одновременно единственным оригиналом, подлинником этой физической сущности. Данное обстоятельство опровергает теорию психофизического дуализма и заставляет пересмотреть соотношения между телом человека, его психикой и «реальностью в себе».
- Особая группа специализированных ментальных образов — слуховые и зрительные образы простых физических объектов — слов, легко создаваемых людьми во время коммуникации, приобрели в процессе развития человеческой психики дополнительное второе значение. И стали понятиями — самостоятельными вербальными психическими феноменами с новыми функциями, репрезентирующими иные сущности, обозначаемые этими словами.
- Вербальный образ, то есть образ понятного человеку слова, является важнейшим для человеческой эволюции и специфически человеческим психическим феноменом. По своей феноменологии он аналогичен невербальным ментальным образам. Но в отличие от слуховых и зрительных образов прочих физических объектов слуховые и зрительные образы слов, или понятия, уже не репрезентируют в сознании людей сами слова. Они репрезентируют совершенно иные сущности мира.

- Основной функцией психики является репрезентирование «реальности в себе». Психика создает в процессе жизни человека (и общества в целом) все более сложные психические феномены. Самые сложные из них — психические конструкции — часто представляют собой самостоятельные целостные психические явления — гештальты. Они состоят из более простых психических феноменов, но не сводятся к их сумме вследствие приобретения ими новых функций. В первую очередь функции репрезентирования формируемых психикой сущностей мира.
- Человеческая психика репрезентирует «реальность в себе» сущностно. Она конституирует и конструирует сущности мира, используя для этого психические конструкции, или концепты (чувственные, вербальные и смешанные), и обозначающие их понятия. Каждая сущность репрезентируется отдельным концептом, ассоциированным с определенным понятием — образом обозначающего данную сущность слова.
- Главным результатом функционирования психики и основным ее предназначением является даже не построение все более сложных психических феноменов, а формирование с их помощью сущностей окружающего мира (физических, социальных, психических и т. д.). Сущность — это психическая репрезентация элемента «реальности в себе», создаваемая сознанием и рассматриваемая им как нечто самостоятельное, отдельное от сознания и присутствующее в окружающем мире или даже в самой психике в качестве составляющего их фрагмента. Формирование сущностей облегчает сознанию понимание мира и функционирование в нем.
- В соответствии с объективистской парадигмой, доминирующей по сей день даже в науке, окружающий мир наполнен объектами и явлениями разного рода, независимыми от человеческого сознания. И задачей науки является лишь их обнаружение и изучение. Однако факты упрямо свидетельствуют о том, что объектов и явлений без человека и вне его сознания в мире нет. Сущности мира не присутствуют в нем сами по себе и не были «открыты» нашими предшественниками. Они были созданы их сознанием в форме психических репрезентаций элементов «реальности в себе», наделены самостоятельным и независимым бытием и помещены в глобальную антропоморфную психическую репрезентацию мира.
- Доступные восприятию элементы мира психика конституирует и конструирует в форме его физических сущностей — предметов, вещественных объектов и явлений, их свойств и действий. Их она формирует произвольно, на чувственном уровне, с помощью возникающих в ней чувственных концептов (моделей-репрезентаций). Модель-репрезентация — это чувственная психическая конструкция, состоящая из множества образов воспоминания и представления объекта, конституирующая его в форме конкретной, завершенной физической сущности и репрезентирующая ее в сознании даже в ситуациях отсутствия ее актуального восприятия.

- Не вполне доступные или вовсе недоступные восприятию физические, социальные, психические и другие фрагменты мира сознание формирует в виде новых сущностей по тем же механизмам конституирования и конструирования, что и физические сущности, но уже только с помощью смешанных и вербальных психических конструкций (концептов). Новая сущность также обозначается новым словом.
- Замена в мышлении сложных концептов, репрезентирующих сущности мира, относительно простыми образами слов, или понятиями, резко упрощает и облегчает и само мышление, и репрезентирование мира, и коммуникацию между людьми.
- Все психические репрезентации, в том числе символические (понятия и вербальные конструкции) осмысленны, то есть имеют ясное для человека значение, которое он к тому же может передавать другим людям с помощью слов. Следовательно, они не эпифеномены, лишь сопровождающие материальные процессы, протекающие в мозге и якобы ответственные за появление разума, как считает большинство. Вербальные психические репрезентации представляют собой содержательный субстрат рационального человеческого мышления, самое яркое, неоспоримое и наглядное проявление разумности человека. Они не просто наполнены смыслом для людей, но и сами, несомненно, являются носителями и хранителями этого смысла и знания, очевидным свидетельством присутствия разума именно в психике, а не в мозге.
- Утверждение о том, что наличие искусственного интеллекта (ИИ), например, является неопровержимым подтверждением факта обусловленности человеческого разума мозгом и материальными процессами, протекающими в нем, в корне ошибочно. Во-первых, вычислительные системы, ответственные за появление ИИ, не имеют никакого отношения к человеческому мозгу, так как работают на базе совершенно иных, чем мозг, принципов. Во-вторых, они не порождают, как это делает мозг, психику, ответственную за появление разума, а все, происходящее в них, протекает на уровне физических процессов и операций, результаты которых потом рассматриваются, осмысливаются, трактуются и наполняются смыслом работающими с системами людьми, то есть переводятся на уровень психики операторами систем.
- Причины выдающихся успехов интеллектуальных систем, порождающих то, что называют ИИ, объясняют только развитием математики и вычислительной техники, работающей с накопленными сегодня огромными базами данных. Мне представляется, что основная причина их достижений кроется в появлении нового и не замеченного пока людьми, а потому остающегося вне их внимания альтернативного способа познания мира. Он заключается в физическом поиске скрытых данных в массивах первичных данных и в математической обработке данных, выявляющей статистические, вероятностные и прочие закономерности и тенденции в данных и предоставля-



ющей уже информацию следующего уровня — данные о данных. Причем новые данные сразу предлагаются в математическом виде.

- Кстати, то, что функционирование интеллектуальных систем не имеет никакого отношения к психическим процессам и феноменам, а именно они являются очевидными субстратами и проявлениями человеческого разума, и то, что мозг не использует в своей работе математический аппарат и вообще какие-либо вычисления, вообще ставит под сомнение адекватность интеллектуальной системы как модели мозга.
- Сознание людей не просто создает сущности, о реальном наличии которых в окружающем мире можно долго и не без оснований спорить. Бесчисленные поколения наших предшественников сформировали целый антропоморфный мир, наполненный такими сущностями, их связями, свойствами, отношениями и действиями. При этом созданный ими мир, или объективная психическая реальность, — это отнюдь не набор человеческих фантазий, а глобальная репрезентация «реальности в себе», в которой живет и с которой взаимодействует каждый человек.
- Психологии следует включить в свой предмет в качестве его важнейших разделов, во-первых, понятия и вербальные конструкции, которыми сейчас по-прежнему занимается логика, во-вторых, многочисленные сущности мира, механизмы и принципы их формирования психикой, а в-третьих, объективную психическую реальность, играющую центральную роль не только в организации и функционировании общества, но и в формировании сознания каждого индивидуума.
- Книга претендует на то, чтобы на современном этапе развития психологической науки представить единую теорию взаимосвязи и естественной эволюции психических феноменов, способную стать одной из основ и даже одной из парадигм новой психологии, а также трансформировать скопище разрозненных психологических фактов в целостную новую науку.

Главы книги поэтапно описывают эволюционную динамику психических феноменов — сначала более простые чувственные явления, затем все более сложные вербальные. В конце книги рассматриваются формируемые психикой сущности и объективная психическая реальность. Для повышения эффективности чтения можно воспользоваться такой методикой: сначала просмотреть тезисы, расположенные после каждой главы, и выбрать наиболее интересные именно для вас главы, далее просмотреть выделенные полужирным шрифтом наиболее важные идеи главы, после этого можно читать главу целиком.

*С. Поляков*

# ГЛАВА 1

## Вводная

- Интроспекция.
- Необихевиоризм.
- Субъективное и объективное.
- Объективная психология.
- Кризис современной психологии.
- Психические модели и репрезентации.
- Феноменология.

### 1.1. Интроспекция

В психологии, пожалуй, нет другого столь же известного и столь же дискредитированного в XX в. метода исследования, как интроспекция<sup>1</sup>. Интроспективная психология XIX в., созданная В. Вундтом (2007) и его последователями, подверглась в дальнейшем уничтожающей критике. Разработанные школой В. Вундта модификации интроспективного метода были признаны несостоятельными. Но почему-то из этого был сделан вывод, что интроспекция как фор-

---

<sup>1</sup> Интроспекция... Метод исследования психологических процессов, основанный на наблюдении собственно психологических процессов, без использования каких-либо инструментов или эталонов. ...В соответствии с правилами, которые были выработаны в Лейпцигской лаборатории В. Вундта, интроспекция должна отвечать основным требованиям научного эксперимента, к которым относится его воспроизводимость и четкая фиксация характеристик раздражителя, кроме того, наблюдатели должны уметь осознавать свои ощущения, вызываемые раздражителем, точно определять начало эксперимента и никогда не снижать уровень своего внимания. Виды: аналитическая интроспекция; систематическая интроспекция; феноменологическое самонаблюдение [Ж.-П. Сартр, 2002, с. 228].

ма познания<sup>1</sup> вообще неадекватна и неэффективна. Сам этот вывод еще более неадекватен. Объективная психология XX в. и ее вариант — бихевиоризм — тоже оказались недостаточно эффективными, тем не менее это не стало поводом для отказа от объективного метода исследования как такового. *Почему же большинство исследователей продолжают полагать, что следует отказаться от интроспекции? На основании чего нужно забыть о том, что интроспекция эффективно использовалась лучшими умами человечества, по крайней мере на протяжении последних двух с половиной тысяч лет, что вся психическая феноменология была создана на основе интроспекции еще до появления экспериментальной психологии и сама психология как наука возникла в результате интроспекции?*

**У интроспекции ничуть не меньше заслуг и достижений в психологии, чем даже у экспериментальной объективной психологии,** тем более что последняя базируется на интроспекции и была бы немыслима без интроспекции как исследуемых, так и самих исследователей, что я постараюсь показать ниже.

Ситуация с интроспекцией парадоксальна. С одной стороны, вроде бы очевидно, что сознание человека не может быть исследовано как физический объект. Г. И. Челпанов (1918, с. 145–152) отмечает, например, что физические явления одновременно могут быть доступны непосредственному наблюдению большого числа лиц, а психические явления доступны непосредственному наблюдению только того лица, которое их переживает. И о психических состояниях другого лица мы можем умозаключать только на основании того, что сами переживали. Э. Кассирер (1988, с. 7–8) указывает, что физические вещи можно описать в терминах их объективных свойств, но человека — только в терминах его сознания, что требует иных методов исследования. А. А. Гостев (2007, с. 170) подчеркивает, что без самонаблюдения невозможно исследование внутреннего мира человека.

Д. Майерс (2001) пишет:

Есть одна вещь во всей Вселенной, о которой мы знаем больше, чем могли бы узнать в результате наблюдения извне, — заметил К. С. Льюис [C. S. Lewis, 1969, р. 18 и 19]. — Эта вещь — мы сами. У нас есть, так сказать, внутренняя информация; мы в курсе дела [с. 76].

<sup>1</sup> Я считаю, что от интроспекции как формы или варианта наблюдения не следует ожидать ничего, кроме отчета наблюдателя о появлении, изменении или исчезновении того или иного психического феномена в его сознании в процессе самонаблюдения. Следовательно, она может и должна давать нам не более того, что дает нам отчет наблюдателя, описывающего внешний мир, воспринимаемый им в данный момент. Такая интроспекция не должна содержать выводов, оценок и даже мнений наблюдателя. Тем более последние, если они есть, не следует рассматривать как истину в последней инстанции, как нечто «непосредственно воспринимаемое из первоисточника», «непосредственное восприятие психических законов», а потому — «бесспорно верное». К мнению компетентного наблюдателя в процессе его интроспекции можно прислушиваться, но не более чем к мнению любого другого исследователя.

Можно продолжать цитировать еще долго.

С другой стороны, вызывает удивление слишком уж яростная и эмоциональная критика, которой подвергается интроспекция, что заставляет думать о пристрастности критиков. Может быть, действительно дело не в недостатках интроспекции, а в научной позиции самих критиков, слабость которой лежит в основе их излишней эмоциональности. Как пишет С. Московичи (1998):

Предрассудки и бойкоты — не опираются ли они в основном на возвышенный и научный принцип? [С. 31.]

Нельзя не обратить внимание на то, что **интроспекционизм был категорически отвергнут бихевиоризмом, причем вместе с сознанием, ментальными образами и прочими «психическими эпифеноменами»**. Правда, с тех пор бихевиоризм и сам себя дискредитировал, но его последователи по-прежнему весьма сильны и не спешат реанимировать то, с чем он весьма успешно боролся. Тем не менее Э. Кассирер (1988) пишет:

Можно критиковать чисто интроспективную позицию, считая ее недостаточной, но нельзя запретить или просто игнорировать ее. Без интроспекции, без непосредственного значения чувств, эмоций, восприятий, мыслей, ощущений мы вообще не могли бы определить сферу человеческой психологии [с. 4].

У каждого метода своя сфера применения. У интроспекции она тоже есть. Недостатки классических вариантов интроспекции действительно серьезны. Г. Райл (1999, с. 167) относит к ним, например, невоспроизводимость результатов, зависимость их от взглядов исследователей, неконтролируемость условий эксперимента, невозможность использования «наивных испытуемых» и др. Главным недостатком вундтовско-титченеровской интроспекции является ошибочное убеждение исследователей в том, что она позволяет получать «истинное знание» о психике «непосредственно из первоисточника». Однако все эти недостатки стали приписывать впоследствии уже не конкретной методике конкретных авторов, а интроспекции в целом.

Вообще под интроспекцией в психологии до сих пор понимают почему-то лишь метод, разработанный В. Вундтом, применявшийся им и его последователями, тогда как понятие *интроспекция* имеет гораздо более широкое содержание. Интроспекция существовала задолго до В. Вундта. Еще Р. Декарт обосновал ее как особую форму познания. Ф. Brentano использовал метод «внутреннего наблюдения». После В. Вундта «метод систематического экспериментального наблюдения» активно использовала Вюрцбургская школа психологии. Метод «феноменологического самонаблюдения» применяла гештальтпсихология. Современная психология, в частности гуманистическая и трансперсональная, тоже активно использует интроспекцию. Даже когнитивная психология не об-

ходится, как мы увидим ниже, без интроспекции. Можно было бы добавить, что без интроспекции и психологии как таковой не было бы вовсе. Как отмечает Г. И. Челпанов (1918, с. 8–10), объективное наблюдение психических процессов может осуществляться только благодаря самонаблюдению и его результаты становятся для нас понятными только в том случае, если мы переведем их в понятия, известные нам из нашего самонаблюдения.

Тем не менее противниками интроспекции вместо отказа от интроспективных методик В. Вундта и Э. Титченера была дискредитирована интроспекция в целом. Следует все-таки понимать, что есть Интроспекция и интроспекция. Первая — единственный метод непосредственного изучения сознания. Вторая — лишь конкретная методика психологического исследования, отвергнутая в процессе развития психологии. И интроспекция Вундта — Титченера — это отнюдь не Интроспекция вообще. Первая относится ко второй как наблюдение вообще относится к конкретной методике наблюдения, разработанной конкретными исследователями.

**Невозможно да и бессмысленно противопоставлять интроспективный и объективный психологические методы исследования, они просто должны дополнять друг друга.** Складывается впечатление, что интроспекция почти 100 лет назад была просто дискредитирована доминировавшим в психологии бихевиоризмом за конкретную ошибку конкретных исследователей, и до сих пор большинство психологов даже не пытаются разобраться в обоснованности ее дискредитации. Можно согласиться с тем, что интроспекция дает меньше, чем хотелось бы исследователям, но это проблема не столько интроспекции, сколько отсутствия адекватных методик ее применения.

Оказалось, что разработанных В. Вундтом правил явно недостаточно. А. Боно (2006) пишет:

Вундтовская версия этого метода (интроспекции. — С. П.), хотя и выглядела вполне научной в том смысле, что имела форму контролируемого лабораторного эксперимента, была лишена того, что в наше время считается существенным признаком науки, а именно — объективности. В науке у ученых должна быть возможность достичь согласия по поводу их основных наблюдений. А в интроспективном методе Вундта объектом наблюдения или интерпретации было содержание индивидуального сознательного опыта наблюдателей, обученных давать аналитические интерпретации своему опыту; то есть этот метод был, безусловно, субъективной процедурой. По-видимому, программа Вундта разбилась именно об эту субъективность... [с. 673].

В дальнейшем методики психологических экспериментов изменились и от наблюдателя перестали ожидать интерпретаций, он должен был просто ответить на поставленный экспериментатором вопрос, а затем, например, нажать кнопку или дать другую реакцию, тем самым сообщая экспериментатору о появлении психического феномена или его изменении. А. Боно (2006, с. 673)

сообщает, что этого простого изменения методики оказалось достаточно для того, чтобы придать объективность большому количеству исследований после В. Вундта.

*Почему была отброшена интроспекция в целом?*

Думаю, по двум причинам. На тот момент вундтовский интроспекционизм отождествлялся с центральным направлением существовавшей научной психологии, которая выделилась в самостоятельную науку во многом благодаря именно В. Вундту и была основным конкурентом бихевиоризма. Главное же — в идеологической неприемлемости интроспекционизма для бихевиоризма, предъявившего претензии на господствующее положение в психологии. Эта идеологическая неприемлемость заключалась в интроспективном наблюдении психических сущностей, которые для бихевиоризма не существовали вовсе.

В последующие десятилетия бихевиоризм сменился «объективной» психологией и когнитивизмом, для которых интроспекция по-прежнему оставалась неприемлемой в силу своей субъективности. При этом ее критиков до сих пор не смущает тот факт, что **сам предмет исследования «объективной» психологии по природе своей не доступен никому, кроме субъекта, обладающего сознанием, он — субъективен**. Для преодоления данного «неудобства» критиками интроспекции предлагались разные пути: от объективизации интроспективных самоотчетов испытуемых до замены объекта исследования. Так, обсуждая работу Л. С. Выготского, Е. Е. Соколова (2005) пишет:

Во-первых, мы можем получить более объективные сведения о себе, не «вживаясь» в свои внутренние переживания, как это рекомендовали психологи-интроспекционисты, а наблюдая за своим поведением в объективных жизненных ситуациях. Никакая интроспекция не даст субъекту сведения о том, «храбр ли он», — только реальное участие в соответствующих событиях (например, в бою) покажет человеку, может ли он считать себя храбрым [с. 121].

Очевидно, что речь здесь идет о «наблюдении за поведением», то есть о бихевиоризме. Что же касается интроспекции, то она и не должна давать субъекту «сведений о том, храбр ли он», так как «храбрость», как и всякая черта характера вообще, лишь с очень серьезными возражениями и весьма условно может быть отнесена к сфере психического. Это внешняя характеристика поведения, но об этом мы поговорим подробнее ниже. Интроспекция же занимается и должна заниматься исключительно психическими явлениями, к которым не относятся, например, черты личности. Автор продолжает:

Психическая деятельность не дана нам непосредственно, как объект научного изучения — ее необходимо реконструировать, изучая отдельные ее проявления (явления) в речевых и поведенческих реакциях [с. 121].

Действительно, можно сказать, что *психическая деятельность* нам не дана непосредственно, так как данное понятие репрезентирует некую сложную гипотетическую сущность. В своем сознании мы имеем лишь психические явления, которые и даны нам непосредственно. Вот их-то и должна изучать интроспекция. Автор предлагает «использовать данные самоотчета испытуемого, но лишь как сырой материал» (там же), что, впрочем, уже давно, повсеместно и активно делается всей современной «объективной» психологией. Возникает вопрос: *почему можно рассматривать данные самоотчета одного человека — испытуемого и нельзя рассматривать данные самонаблюдения другого человека — психолога, если ни в первом, ни во втором случае мы не будем принимать в расчет личное мнение испытуемых?*

Многие сторонники интроспекции действительно дали оппонентам очень серьезный повод для критики не только их личной позиции, но и интроспекции в целом тем, что утверждали, будто интроспекция способна давать нам «самые точные и бесспорные» «знания из первоисточника». Справедливо критикуя такую позицию, Ж.-Ф. Лиотар (2001) пишет:

Интроспекция как общий метод психологии, во-первых, полагала аксиому: переживание в сознании конституирует посредством себя самого знание сознания. Если я ужасаюсь, то я, следовательно, знаю то, что есть страх, поскольку я боюсь. Эта аксиома предполагала, в свою очередь, полную прозрачность событий сознания для взгляда сознания, а также то, что факты сознания суть сознательные факты. Другими словами, переживание дается непосредственным образом вместе со своим смыслом, когда сознание направлено на него. ...Феноменология находится в полном согласии с объективизмом в критике некоторых положений интроспекционистов. То, что смысл содержания сознания непосредственно проявляется и постигается как таковой, опровергается самим психологическим проектом: если мы доказываем необходимость психологической науки, то это происходит потому, что мы знаем, что мы не знаем, что такое психическое. И правда, когда я ужасаюсь, тогда я боюсь, но я не знаю тем не менее, что такое страх, я «знаю» только, что я боюсь: можно оценить дистанцию между этими двумя видами знания. В действительности «познание себя самим собой является косвенным, оно есть конструкция, и мне нужно расшифровывать мое поведение, как я расшифровываю поведение других» (Merleau-Ponty...) [с. 60–62].

И автор, безусловно, прав. Интроспекция не более чем наблюдение, пусть и внутреннее, или самонаблюдение. Как и любое наблюдение, оно далеко не всегда дает нам возможность проникнуть в суть наблюдаемого предмета или явления, но оно и должно давать нам лишь материал для познания, а не какое-то «истинное знание». В любом случае **интроспекция отнюдь не некий абсолютный метод познания фактов, которые якобы «наблюдаются вместе со своим смыслом», а лишь метод наблюдения.**

Б. М. Теплов (2005, с. 156) пишет, что люди осуществляют самонаблюдение в течение десятков тысяч лет и пределы тех единиц, на которые самонаблюдение

может разложить психическую деятельность, давно уже обнаружили. Это утверждение, однако, весьма спорно, так как представления людей о мире, о самих себе и своей психике непрерывно и сильно меняются, особенно в последние два века. И то, что, например, мог бы обнаружить в процессе интроспекции современный исследователь, учитывая иной уровень психологических знаний, не могли обнаружить даже В. Вундт или Э. Титченер.

Б. М. Теплов (2005) справедливо утверждает, что, если человека посадят в лабораторию, дадут ему инструкцию и будут записывать его самонаблюдения, острота и глубина его внутреннего зрения не изменятся. Поэтому психолог-интроспекционист подобен физику, который посадил бы человека в специальную комнату и дал ему инструкцию внимательно «рассмотреть» атомное строение тела. Ни простым, ни внутренним глазом нельзя увидеть ни атомное строение тела, ни механизм психических процессов. Подобные попытки — пустая трата времени.

Сказанное автором, безусловно, еще раз подтверждает, что проблема — в правильной постановке задач и организации исследования при понимании возможностей метода. Просто не следует предлагать испытуемым изучать механизмы их мышления. Надо ставить адекватные и гораздо более простые задачи. Например, предложить ответить на вопрос: может ли испытуемый вспомнить образ объекта (яблока), только что предъявленного ему на 50 мс? Такая интроспекция и лежит сейчас в основе большинства современных психологических экспериментов, которые считаются «объективными». В этой связи интересно замечание А. А. Шевцова (2004):

...давно забытая и выкинутая у нас психология самонаблюдения, оказывается, не только тайком от наших психологов возрождена на... Западе, но еще и сделала успехи за последнее время! <...> Самонаблюдение снова востребовано, поскольку возрождается наука о сознании! [С. 778.]

Кстати, даже многие физические открытия были результатом не физического эксперимента, а простого наблюдения. Большинство физических теорий тоже были выстроены в результате размышлений исследователей и лишь потом проверялись экспериментально. Сама **экспериментальная психология не смогла бы развиваться без интроспекции и самоотчетов как испытуемых, так и исследователей. Очень большое число так называемых объективных психологических экспериментов представляет собой как раз помещение испытуемого «в лабораторию, где ему дают инструкцию и записывают результаты его самонаблюдения».** И в этом случае не требуется какой-либо особой остроты или глубины «внутреннего зрения».

Б. М. Теплов (2005, с. 158) говорит о существовании распространенного предрассудка, согласно которому всякое знание о себе и своей психике человек якобы получает лишь интроспективно. Тогда как в действительности наиболее



важные знания о себе человек получает опосредованно, теми же способами, которые доступны и другим людям.

**Интроспекция — это всего лишь наблюдение, «внутреннее рассмотрение» возникающих в сознании собственных психических явлений. Выводы, которые делает человек из такого рассмотрения, совершенно не обязательно правильные и тем более бесспорные. Они не являются «истинным знанием из первоисточника».**

Интроспекция не должна, да и не может «поставлять» нам какие-либо «готовые выводы». Как и всякое наблюдение, она может лишь предоставлять нам факты о психических явлениях, на основании которых исследователи могут уже затем делать те или иные заключения для последующей их проверки. **Интроспекция просто единственно возможный способ непосредственного рассмотрения субъективного психического содержания — психических феноменов сознания и не более того.**

Она безусловно ограничена в своих возможностях, поэтому представляется, например, верным высказывание Б. М. Теплова о том, что нельзя с помощью интроспекции установить возможности своей памяти. В то же время никак, кроме интроспекции, невозможно установить, возникает определенный образ воспоминания в сознании испытуемого или нет. Б. М. Теплов (2005, с. 159), на мой взгляд, прав в том, что интроспекция не является средством определения собственных знаний, умений и навыков, особенностей своей личности: темперамента, характера и способностей. Это так, потому что все перечисленное не относится к возникающим в сознании человека психическим феноменам, которые лишь и могут быть предметом интроспекции.

Как это ни странно и даже удивительно, но среди исследователей весьма широко распространено убеждение в том, что мы не способны к интроспекции. Г. Райл (1999), например, вообще сомневается в том, что человеку доступен «акт внутреннего восприятия», так как в этом случае его внимание должно быть направлено на две вещи:

...многие из тех, кто готов поверить, что действительно может заниматься... интроспекцией, пожалуй, усомнятся в этом, когда убедятся, что для этого они должны будут концентрировать свое внимание одновременно на двух процессах. Они скорее сохранят уверенность в том, что не концентрируют внимание одновременно на двух процессах, чем в том, что способны заниматься интроспекцией [с. 166–167].

Дж. Серл (2002) говорит примерно о том же:

Сам факт субъективности... делает подобное (интроспективное. — С. П.) наблюдение невозможным. Почему? Потому что там, где это касается сознательной субъективности, не существует различия между наблюдением и наблюдаемой вещью, между восприятием и воспринимаемым объектом. Модель зрительного

восприятия работает на основе предпосылки, что имеется различие между видимой вещью и видением ее. Но для интроспекции просто невозможно осуществлять подобное разделение. Любая присущая мне интроспекция моего собственного сознательного состояния сама есть это сознательное состояние. ...Стандартная модель наблюдения не работает по отношению к сознательной субъективности... В силу этого сама идея того, что мог бы быть особый метод исследования сознания, а именно «интроспекция», которая, как полагают, есть нечто вроде внутреннего наблюдения, была изначально обречена на неудачу, и потому нет ничего удивительного в том, что интроспективная психология потерпела банкротство [с. 105].

Тем не менее для интроспекции совершенно не требуется «осуществлять разделение» «видимой вещи и ее видения», которого, кстати, никогда и не происходит при нормальном восприятии. Это «разделение» привнесено позже самими исследователями, изучавшими восприятие. То, что «стандартная модель наблюдения не работает по отношению к сознательной субъективности», для интроспекции совершенно неважно, так как сама эта «стандартная модель» никакой реальной роли не играет даже в восприятии.

Есть лишь образ восприятия, или образ представления вещи, или, наконец, понятие вещи. И именно эти психические феномены подвергаются рефлексии в процессе интроспекции. Причем подвергаются рефлексии почти непрерывно. В чем заключается рефлексия и что она такое феноменологически, следует долго и глубоко разбираться. Однако несомненным остается тот факт, что сознание «постоянно в курсе происходящего» в нем и в мире. И если бы это было не так, то мы ежеминутно с удивлением обнаруживали бы, что почему-то именно сейчас надеваем ботинки, наливаем в чашку чай, зачем-то вышли из дома и т. д. и т. п. На этот факт обратил внимание еще И. Кант (1994, с. 503).

Обсуждая интроспекцию, Б. М. Теплов (2005), однако, пишет:

...учение о субъективном методе в психологии покоится на вере в то, что у человека имеется специальное орудие для непосредственного познания своей психики (внутреннее восприятие, или интроспекция)... Глубоко прав был Сеченов, заявивший в полемике с К. Д. Кавелиным, что «особого психического зрения как специального орудия для исследований психических процессов, в противоположность материальным, нет»... [с. 154–155].

Возникает вопрос: *чем наше самонаблюдение, или интроспекция, отличается от нашего же наблюдения за окружающим миром с точки зрения протекающих в нашем сознании процессов?*

Нельзя не признать, что и то и другое — варианты наблюдения. Меняется лишь объект наблюдения. Наблюдая за окружающим, а следовательно, и переживая его репрезентации в своем сознании, так как никак иначе мы не могли бы за окружающим наблюдать, мы одновременно анализируем репрезентируемое, или, говоря иначе, «наблюдаем» за этими репрезентациями и рефлекслируем

их. Рефлексия не только не мешает, но даже помогает нам адекватно воспринимать и осмысливать окружающий нас мир и достаточно успешно адаптироваться к нему. *Почему же в случае рефлексии наших образов воспоминания и представления, например, мы должны придавать данному обстоятельству какое-то иное, особое значение?*

Раз мы легко можем одновременно осмысливать образы восприятия окружающего мира и обдумывать все связанное с ними, пусть и рассматривая эти психические феномены в плоскости мира физического, то я лично не вижу, что может помешать нам делать то же самое, то есть рассматривать психическое содержание своего сознания и в иной плоскости — плоскости психических явлений. Другими словами, мы способны одновременно без труда и переживать, и осмысливать представляемые и вспоминаемые образы окружающего, то есть заниматься интроспекцией.

Психику можно представить как несколько одновременно протекающих в разных плоскостях процессов (или переживаемых в ходе интроспекции как протекающие одновременно). Интроспекция свидетельствует, например, что в сознании одновременно сосуществует и поток визуальных образов восприятия (одна плоскость), и поток образов воспоминания и представления (другая плоскость), и поток слуховых образов восприятия (третья плоскость, по крайней мере иная модальность первой плоскости), и функционирующий параллельно вербальный мысленный «телетайп» (как я его называю), в вербальных конструкциях которого представлены в том числе наши мнения и выводы по поводу переживаемых чувственных образов, а также мнения и выводы по поводу вербальных конструкций, которые только что или чуть раньше возникали в сознании (четвертая плоскость или иная модальность плоскости второй). В данном обсуждении пока неважно, действительно ли все они протекают параллельно, или просто перечисленные психические явления быстро сменяют друг друга, создавая субъективное ощущение одновременности их наличия.

Сознание непрерывно подвергает ревизии собственное содержание, в том числе то, которое репрезентирует само это содержание, то есть репрезентации репрезентаций. Сознание устроено так, что любое присутствующее в нем ощущение или образ всегда противопоставляются, как бы «демонстрируются» в большей или меньшей степени нашему внутреннему «Я». В процессе рефлексии психическое содержание — образы, эмоции, желания, ощущения — обычно подвергается рассмотрению со стороны некой нашей внутренней сущности, нашего «Я».

Несмотря на странность фразы «рефлексия (или внутреннее рассмотрение) образа восприятия», именно она правильно отражает сущность наших субъективных переживаний в тот момент, когда мы рефлекслируем, например содержание собственного восприятия. Мы действительно в состоянии непосредственно

и чувственно переживать и вербально констатировать различия между присутствующими в нашем сознании как бы разными психическими сущностями. С одной стороны, некой воспринимающей и наблюдающей сущностью — «Я». С другой стороны, собственными психическими явлениями (образами, ощущениями, психическими конструкциями и т. д.) в качестве того, что доступно рассмотрению этой сущности.

Критикуя интроспекцию, Г. Райл (1999) пишет:

Теоретики спорят, например, существуют ли действия сознания, отличные от интеллектуальных и одновременно от выполняемых привычным и ритуальным способом? А почему бы не посмотреть и не увидеть это интроспективно? Если же сторонники этих теорий так поступают, то почему их отчеты о подобных наблюдениях противоречат друг другу? Далее, многие теоретики, рассуждавшие о человеческом поведении, заявляли, что существуют некоторые процессы, *sui generis*, отвечающие определению «воления». Я же доказывал, что таких процессов нет. Почему же мы спорим об их существовании, коль этот вопрос мог бы разрешиться так же легко, как вопрос о том, пахнет ли в кладовке луком? [С. 167.]

Можно ответить вопросом на вопрос: *почему нам никак не удается, например, сопоставить теории сознания в рамках восточной и западной философии? И вообще, почему они радикально отличаются друг от друга?*

Лишь потому, что сложность проблемы необычайна. Наше сознание не «кладовка с луком» и даже не самая сложная ЭВМ. Исследователи не могут договориться даже о едином понимании проблем квантовой физики, хотя она «объективна». *Как же им договориться об абсолютно субъективных проблемах собственного сознания?*

Мне, например, сложно понять, что Г. Райл (1999) имеет в виду, когда говорит о «действиях сознания, отличных от интеллектуальных и одновременно от выполняемых привычным и ритуальным способом». *Как же мы с ним сможем «посмотреть и увидеть», если каждый видит свою модель или не видит даже ее? Как могут «их (исследователей) отчеты о наблюдениях не противоречить друг другу», если до сих пор в психологии нет единого понимания самых элементарных, казалось бы, базовых вещей — того, что такое ощущения и образы, не говоря уже, например, о том, что такое сознание или личность?*

Следовательно, **проблема не в интроспекции, а в методиках исследования, теоретических подходах к построению интроспективного эксперимента и больше того — в разном понимании даже простых психических явлений. Необходимы стандартные, воспроизводимые процедуры, понятные всем задачи и простые цели исследования, не допускающие трактовку испытуемым наблюдаемых им в процессе интроспекции явлений, исключаящие его самоанализ, его собственные оценки и мнения, но для этого надо отказаться прежде от предвзятого подхода к интроспекции.**

Г. Райл (1999, с. 168) напоминает возражение против возможностей интроспекции, выдвинутое еще Д. Юмом. Оно заключается в том, что есть состояния сознания, которые человек не может хладнокровно интроспективно изучать. Это состояния паники, ярости, буйного веселья, сильного возбуждения и т. п. Правильно. Их и не надо изучать с помощью интроспекции. Здесь можно только предложить в качестве контраргумента рассмотреть адекватность результатов физических экспериментов, если бы исследователи проводили их, пребывая в тех самых «исключающих возможность быть хладнокровным» состояниях. Очевидно, что в таких экспериментах вряд ли были бы получены достоверные результаты. Кроме того, надо сказать, что **интроспекция не должна предназначаться для того, чтобы что-то «изучал» испытуемый. Изучать результаты интроспекции даже самих исследователей должны другие исследователи. И результаты эти не могут быть ничем, кроме фактов самонаблюдения в форме: возникли, исчезли или изменились так-то (образ, ощущение, состояние и т. д.).** Сам исследователь может лишь фиксировать наличие и изменение феноменов своего сознания. Следовательно, дело опять же не в пороках интроспекции, а в методике проведения интроспективных исследований.

Отрицая интроспекцию, Г. Райл (1999) тем не менее готов использовать данные ретроспекции, которые представляются ему более адекватными:

...частью того, что имеют в виду, говоря об интроспекции, является аутентичный процесс ретроспекции. Но в объектах ретроспекции нет ничего специфически призрачного. ...Я могу припомнить, как я что-то видел и как я что-то воображал; мои внешние действия, равно как и мои ощущения. ...Ретроспекция несет на себе часть бремени, тяжесть которого пытались возложить на интроспекцию. Но она не может взять на себя все это бремя, особенно самую его философски драгоценную и хрупкую часть [с. 168–169].

При этом Г. Райла не смущает тот факт, что сама по себе ретроспекция — это в гораздо большей степени, чем интроспекция, воссоздание, а не отчет о реально пережитых психических феноменах.

С неожиданной позиции защищает интроспекцию Б. Рассел (2007, с. 232), критикуя взгляды одного из основоположников бихевиоризма Дж. Уотсона. Он пишет, что аргументы противников интроспекции покоятся на двух основаниях. Первое заключается в том, что данные интроспекции являются приватными и верифицируемы только одним наблюдателем, а стало быть, не могут обладать той степенью публичной достоверности, которой требует объективная наука. Второе состоит в том, что физическая наука конструирует пространственно-временной космос, подчиняясь определенным законам, и то, что в мире существуют вещи, не подчиняющиеся этим законам, вызывает у объективистов раздражение. Б. Рассел замечает, что «приватный характер»

данных — слабое возражение против данных интроспекции, так как все наши телесные ощущения носят приватный характер. Например, зубная боль. При этом никто не рассматривает знание нашего собственного тела как научно ничтожное, хотя оно приобретается лишь с помощью приватных данных.

Мне представляется, что аргумент Б. Рассела об уникальности телесных ощущений наносит смертельный удар по теории, отрицающей значимость интроспекции. Надо напомнить хотя бы то «несущественное» обстоятельство, что **вся медицина построена в первую очередь на интроспекции больного**. Сам ее предмет — человек, страдающий заболеванием, — «больной» — тот, который испытывает субъективное ощущение — боль. Следовательно, вся медицинская наука и практика основываются на чем-то с объективистской точки зрения «незначимом», «необъективном», «ненаучном». Однако, несмотря на «ненаучность» и «необъективность» интроспекции, наше существование в мире во многом зависит именно от нее, так как только она позволяет нам вовремя обратить внимание на свои внутренние проблемы и обратиться за помощью.

Б. Рассел (2007, с. 233–234) полагает, что данные интроспекции должны рассматриваться как не подчиняющиеся законам физики и именно это является фундаментальной причиной попыток их отвергнуть. Он указывает на то, что даже часть наших ощущений, которые мы привыкли считать репрезентациями физической реальности, относится к области интроспекции. Так, данные зрения и слуха более публичны, запах — в некоторой степени менее, прикосновение — еще менее, висцеральные или внутренние ощущения не публичны вообще. Он обращает внимание на важность совпадения одинаковых ощущений у людей в одно и то же время. Если человек слышит удар грома вместе с кем-то, это — «объективный» факт. Если же он слышит удар грома, который никто больше не слышит, то думает, что сошел с ума. При этом, если он чувствует боль в животе, то у него нет повода для удивления, даже если ее никто больше не чувствует, поэтому мы говорим, что «боль в животе моя» и она — субъективна, тогда как гром — объективен. Это лишний раз подтверждает условность разделения психических переживаний на «объективные» и «субъективные».

В. М. Розин (2005) пишет:

Они (интроспекционисты. — *С. П.*) не соблюдали также один из основных принципов естественно-научного изучения — требование объективности, то есть контроля за тем, чтобы само изучение не влияло на поведение объекта: исследователь в естественной науке выступает только как носитель научных процедур (таких как измерение, моделирование, идеализация и т. д.). ...Соединение в одном лице исследователя и изучаемого объекта (то есть сознания экспериментатора и испытуемого), а также специализация в интроспекции означали, что исследователь не только влияет на изучаемый объект — он его целенаправленно формирует [с. 54–55].

Но это требование невозможно соблюсти даже в самых «чистых» «объективных» физических экспериментах. Это тот самый принцип *влияния наблюдателя на результаты эксперимента*, который не смогли удалить из своих опытов в XX в. даже физики.

*В чем разница между внешним наблюдением и внутренним наблюдением — интроспекцией?*

Она заключается лишь в том, что в первом случае доступ к наблюдаемой сущности открыт многим субъектам. Во втором случае он открыт только одному. В первом случае это психическая репрезентация чего-то внешнего по отношению к субъекту. Во втором — внутреннего. Но и в том и в другом случае предметом сознательного рассмотрения являются субъективные психические репрезентации наблюдателя, поэтому в случае «объективного» внешнего наблюдения мы имеем в результате несколько субъективных самоотчетов, а в случае «субъективного» внутреннего наблюдения — один субъективный самоотчет.

## 1.2. Необихевиоризм

**Бихевиоризм, успешно справившийся с интроспекцией, сам через несколько десятилетий разделил ее судьбу. Тем не менее, как и в случае с интроспекцией, заявления исследователей о том, что он преодолен и остался в прошлом, — не более чем декларации. Его влияние сохраняется, и он по-прежнему определяет, хотя и не столь однозначно, как раньше, взгляды очень многих исследователей.**

Для человека наиболее очевидно и достоверно то, что явлено ему в его сознании. Об этом уже не один век говорят выдающиеся философы, поэтому удивляет упорное, достойное лучшего применения нежелание необихевиористов (см. примечание 1), которыми являются многие современные, в том числе когнитивные, психологи, принимать, например, в качестве очевидной данности факт наличия собственных психических явлений, в частности «ментальных образов». С помощью самых неожиданных приемов они пытаются заменить психические явления чем угодно: от «поведенческих реакций» и не вполне понятных физиологически трактуемых<sup>1</sup> «репрезентаций» до «структур нервной системы». При этом они убеждены, что действительно отказались от бихевиоризма.

Выдающийся психолог У. Найссер (2005а), например, замечает:

Сегодня теория научения (бихевиоризм. — С. П.) почти полностью отброшена. ...Даже лабораторная крыса обратилась против своих старых друзей... [с. 21–22].

<sup>1</sup> Более подробно об этом см. в главе 2.